

Глава 4. Первые проблески стабилизации

4.1. Конец двоевластия? Увы...

Попытка финансовой стабилизации в марте 1993 - январе 1994 г., связанная с именем министра финансов Бориса Федорова, была довольно длительной и глубокой. В ее ходе, несмотря на бурные события, описанные во второй главе, были достигнуты значительные успехи по всем направлениям реформы. Многие из этих успехов можно обозначить словом *впервые* - впервые после потрясений, постигших страну на рубеже 90-х годов.

Впервые (если не учитывать очень кратковременного эпизода в начале «шоковой терапии») заметно и устойчиво окреп рубль, причем не только в отношении к валютам стран СНГ, где реформы проводились по рецептам «левых» и «центристских» критиков российских реформ, но и по отношению к свободно конвертируемым валютам. Реальный курс рубля по отношению к доллару (учитывающий соотношение уровня цен в России и США) вырос с начала 1992 года в 6-7 раз.

Впервые цены на продукцию многих отраслей промышленности достигли мирового уровня, что вырывало почву из-под ног предприятий-монополистов, как «движителей» инфляции: если бы такой завод или фабрика попытались еще выше поднять цены на свою продукцию, покупатель мог бы просто обратиться к другому, иностранному поставщику. (А заодно это вырывало из рук критиков курса реформ еще один из важных пропагандистских козырей: якобы нельзя было отпускать

цены в монополизированной экономике - стало ясно, что, наоборот, *открытие экономики с выводом цен на уровень мировых неизбежно кладет предел монополизму со всеми его очевидными пороками*).

Впервые началось определение курса рубля на валютных биржах. Уж сколько по этому поводу раздавалось критики из стана противников реформ! И недостоверен такой курс, и занижен, и вообще отражает мизерную часть валютного оборота... Но к началу 1994 года объемы оборотов на валютных биржах увеличились настолько, что сомнения в реальности официального курса отпали. Правда, из того же лагеря стали раздаваться требования... *снизить* курс рубля. Но тут дело ясное: это было бы выгодно экспортерам сырьевых товаров. Неясно было другое: как это вяжется с доводами критиков о том, что именно реформаторы хотят превратить Россию в чей-то сырьевой придаток?

И вот, на мой взгляд, самое важное продвижение, которое отмечали экономисты в тот период, на рубеже 1993 и 1994 годов: *теперь сами темпы падения и роста производства стали определяться не ограниченностью мощностей и материально-технического снабжения, как было у нас многие десятилетия, а спросом. То есть начал действовать рынок*. И сколько бы сегодня ни доказывали экономисты левого направления, что на самом деле «рынка наши реформаторы не построили», сколько бы ни указывали на действительные и мнимые свидетельства его незавершенности (например, в тот период много говорили о том, что не отлажен фондовый рынок, деньги не идут в реальный сектор, а «крутятся в финансовом» и т.д.), - несмотря на все это, факт остается фактом: главное было достигнуто. Более того, многим стало ясно, что хочешь - не хочешь, а приспособливаться к рынку, учиться маркетингу, маневрированию ценами, повышать эффективность

производства и качество продукции отныне придется всем предприятиям, даже самым закоренелым иждивенцам государства и народа. И первые признаки приспособления к рынку начали проявляться: например, практически стабилизировалась обстановка в жилищном строительстве (особенно повысилось его качество: именно тогда вошло в наш лексикон словечко «евроремонт»). Начались структурные сдвиги в металлургии: улучшилось соотношение между выплавкой стали и выходом готового проката - специалисты подтвердят, что это очень важно.

Что касается непосредственно уровня жизни населения, то после «шокового» спада в начале 1992 г. этот уровень все-таки медленно, но начал стабилизироваться, потребление продовольственных товаров на душу населения даже несколько выросло. Выросли товарные запасы в торговле и так называемый индекс насыщенности розничной торговой сети вырос до 91% - это своего рода рекорд.

Вот цитата, которую я выписал из месячной статистической сводки того времени: «В марте с.г. практически повсеместно в продаже были говядина, мясо птицы, полукопченая и вареная колбасы, мясные консервы, маргарин, молоко, сметана, печенье и пряники, вермишель, крупа манная». По нынешним понятиям - небогато. Но тогда это производило впечатление! Во времена «победных сводок страны социализма» мы такого не читали, не правда ли?

Однако все это происходило на фоне продолжавшегося спада производства. Более того, по данным государственной статистики именно в первом квартале 1994 г. он был беспрецедентно глубоким. И это понятно: спад - неизбежная цена финансовой стабилизации, ее обратная сторона - подробнее об этом мы поговорим в одной из следующих глав. Сводка есть сводка, она дает только цифры, не касаясь политических и других событий,

во многом объясняющих ситуацию: смену правительственных команд, нагнетание страстей в производственных коллективах. В первом квартале, по данным того же Госкомстата, забастовки прошли на 288 предприятиях - больше, чем за весь предыдущий год, а с другой стороны, некоторые директора крупнейших заводов (например, автомобильных) как по команде какого-то невидимого дирижера останавливали конвейеры, заставляя вздрагивать всю страну, наблюдавшую за этим по телевидению...

Однако после разрешения конституционного кризиса и парламентских выборов в декабре 1993 года перед Россией открылись, - как считали экономисты-реформаторы, новые возможности. Читаем: «Принятие новой Конституции устраняло сложившееся двоевластие, давая в руки президента и правительства рычаги проведения последовательной финансовой и денежной политики»¹.

Увы, трудно согласиться с этим категорическим утверждением. Последующие события показали, что при всем значении новой Конституции, принятой 12 декабря 1993 года, двоевластие если и было «устранено», то лишь частично и на недолгое время. Рычаги управления страной вновь оказались в руках, которые тянули их в противоположные стороны.

В начале 1994 года экономическая политика - в который уже раз! - оказалась на распутье. С одной стороны, Конституция закрепила рыночную основу экономики. Реформаторы, состоявшие в правительстве, подготовили около сотни законопроектов, призванных подвести серьезную юридическую базу под новое демократическое общество. Оппозиция была ослаблена. То есть создались благоприятные предпосылки для ускорения процесса реформ и перехода в начале 1994 года к действительной и

устойчивой финансовой стабилизации. Для этого следовало продолжить бюджетную политику, проводившуюся в четвертом квартале 1993 года - тогда был принят ряд решений, сокращавших расходы Правительства, включая жесткий вариант бюджета 1994 г. и резкое ограничение денежной экспансии. Этот вариант, на котором настаивал Е.Гайдар, был в краткосрочном отношении болезненным, но практически гарантировал выход в течение двух лет (то есть к новым парламентским и президентским выборам) на траекторию устойчивого экономического роста.

С другой стороны, предлагался путь, который в краткосрочной перспективе был более легким и заключался в продолжении политики «раздачи обещаний» о бюджетной поддержке всем заинтересованным силам: военно-промышленному комплексу, АПК, крупным предприятиям, не сумевшим перестроиться сообразно требованиям рынка, а также регионам, неспособным своими силами решать социальные проблемы, и т.д. Ценой этим обещаниям было бы продолжение высокой инфляции (более 10% в месяц) и экономической стагнации. Такой курс был назван «умеренно-жестким», по сути это был мягкий курс экономической политики, фактически способный привести только к удлинению и усложнению процессов экономической стабилизации. Как показал опыт Украины, где такой курс проводился к тому времени уже два года, все это не могло не иметь достаточно опасных политических и социальных последствий. Премьер-министр В.Черномырдин потому и назвал его «умеренно жестким», что к тому времени уже начинал понимать пагубность мягкого курса, проводимого в условиях кардинальных рыночных реформ.

Экономистам-реформаторам было ясно, что такой курс правительства

---

¹ Экономика переходного периода, 1991-1997. Сс.220-221.

неизбежно должен был привести через несколько месяцев к новому инфляционному скачку. Значит, рано или поздно задача финансовой стабилизации встала бы вновь. Но тогда проводить жесткий курс пришлось бы уже в преддверии назначенных на 1995 год парламентских и на 1996 - президентских выборов со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

Итак, руководство страны избрало второй путь. В результате, в январе 1994 года произошел очередной правительственный кризис: из состава кабинета министров вышли Е.Гайдар и Б.Федоров.. Непосредственным поводом их отставки явились многочисленные, подготовленные вопреки их возражениям, правительственные решения, которые требовали чрезвычайно больших затрат и разрушали с трудом созданные предпосылки финансовой стабилизации. В качестве примеров таких решений можно назвать скоропалительные проекты объединения денежных систем России и Белоруссии, проект грандиозного строительства нового здания для Государственной Думы (к счастью, быстро отмененный в результате резко отрицательной реакции общественного мнения), проект финансирования аграрно-промышленного комплекса в 1994 году и ряд других. Реформаторам было ясно, что возможны лишь два результата продолжения такой практики «раздачи обещаний»: либо резкое нарастание бюджетных расходов и, как следствие, новый взлет инфляции, либо *рост объема невыполненных обязательств* (то есть задержки выдачи зарплаты бюджетникам и выплаты пенсий, сокращение расходов на образование и здравоохранение). Во многих случаях само невыполнение обещаний коллективам предприятий, рассчитывавшим на государственные субсидии, дезориентировало их, ослабляло усилия, направленные на адаптацию к рыночным условиям.

Катастрофические последствия такого варианта развития событий были очевидны. По-видимому, понимал это и В.Черномырдин. К тому же уход из Правительства. Е. Гайдара и Б. Федорова осложнил его положение. Главе Правительства стало труднее принимать финансово необоснованные решения, перекладывая ответственность за них, особенно в случае неудачи в борьбе с инфляцией, на пресловутых монетаристов. Обещая и раздавая бюджетные средства В. Черномырдин должен был принять на себя весь груз ответственности за финансовые последствия такой практики. По-видимому, по этой причине в первые месяцы 1994 года линия Правительства была в целом преемственна по отношению к прошлому году. (Из-за этого в прессе писали, что Черномырдин объявляет одно, а делает другое, говорили о «тайной стабилизации Черномырдина»).

Тут следует сделать небольшое пояснение, которое поможет читателю разобраться в хитросплетениях бюджетной и финансово-кредитной политики государства.

Известны житейские правила: жить надо по средствам, по одежке протягивай ножки и так далее. Есть экономисты, которые почему-то предполагают, что к государству это не относится. Но если государство хочет истратить больше, чем имеет (в семье такое бывает крайне редко, не так ли?), то ему нужно откуда-то взять дополнительные деньги. Есть две основных возможности сделать это. Во-первых, занять, взять в долг: либо у других государств или международных финансовых организаций, банков (*внешний долг*), либо у своего же населения, отечественных банков и других частных, негосударственных организаций (*внутренний долг*). Во-вторых - то, что вправе сделать только государство и никак не может сделать семья (если это не семья фальшивомонетчиков!): напечатать

дополнительное количество денег. Мы уже говорили о том, что слово «напечатать» в таком контексте применяется в переносном смысле, на самом деле денежная эмиссия («печатание денег») осуществляется в форме прямых кредитов Центрального банка правительству, покупки Центральным банком ценных бумаг и некоторыми менее значимыми способами. В совокупности это можно назвать *механизмом денежного предложения в экономике*.

Долг платежом красен. Некоторые экономисты спрашивают: что плохого, если государство берет деньги в долг, когда ему они требуются для решения неотложных задач? Мы уже отвечали на этот вопрос в главе 2. Говорят: все так делают, даже самые богатые страны. Потом расплачиваются, потом еще берут. Это верно, если государство твердо знает, что экономика работает исправно, завтра ее ожидает дальнейший подъем и можно будет без труда рассчитаться с кредиторами - хоть внутренними, хоть внешними. Поэтому и дефицит бюджета во многих странах не считается чем-то предосудительным. Иное дело - Россия 90-х годов, на которой, помимо собственных очередных забот, неподъемным грузом лежал долг в сотню миллиардов долларов, оставшийся «в наследство» от бывшего СССР, долг, который к тому же с каждым годом возрастал (из-за необходимости выплачивать проценты) на 4-5 млрд долларов! Тут уже как в семье, попавшей в нелегкое положение, которой приходится считать деньги по копейке, чтобы дожить от зарплаты до зарплаты. А наберешь долгов - угодишь в долговую яму, как говаривали в старину...

Отдача самого долга и процентов по нему называется *обслуживанием долга*. Поэтому принято различать дефицит бюджета

первичный и вторичный. Чаще всего пишут и говорят о первичном дефиците, который определяется как превышение текущих расходов бюджета над его текущими же доходами. Вторичный же учитывает также расходы по обслуживанию государственного внутреннего и внешнего долга. Сказанное относится и к понятию, обратному по отношению к понятию дефицита - *профициту*, причем вполне возможна ситуация, когда бюджет сводится, например, с первичным профицитом и вторичным дефицитом (если доходов оказывается недостаточно для намеченной на данный год суммы обслуживания долга).

В ходе дебатов по проекту государственного бюджета на 1994 год, проходивших в Государственной Думе в мае-июне (то есть с сильным запозданием, практически всю первую половину года страна жила без бюджета), у Правительства были буквально *«выбиты» крупные бюджетные обещания*. Предполагавшийся дефицит бюджета был *увеличен* с 8,6% ВВП до 9,7% ВВП. По навязанным правительству расходам дефицит мог быть еще больше, но одновременно были увеличены (разумеется - на бумаге!) доходы федерального бюджета. И это - несмотря на то, что ход выполнения бюджета в первом квартале уже продемонстрировал явную нереальность намеченных показателей.

Здесь сказалась обычная тактика популистов. Каждый год при утверждении бюджета они демонстрировали свою «заботу» о населении, требуя увеличить разные социальные выплаты, минимум заработной платы, поддержку неэффективным предприятиям и отраслям и т.п. Когда их спрашивали, где взять на все это деньги, они охотно указывали любые, порой фантастические источники, лишь бы записать, а что будет потом – неважно...

Яркий пример: в том же 1994 году коммунисты на всех митингах, во всех публичных выступлениях особенно рьяно кричали о спаде производства и грозили близким «коллапсом экономики». А в Государственной думе, при обсуждении проекта бюджета, они же доказывали, что правительство... *занижает ожидаемые объемы производства* и, следовательно - суммы будущих налогов (т.е. доходов бюджета). *Парламент, в котором после выборов усилились политические позиции коммунистов и их союзников - тот самый парламент, который амнистировал и выпустил из тюрьмы руководителей октябрьского мятежа - добился принятия очередного нереального бюджета.*

Иными словами, политическая уязвимость Правительства перед лицом оппозиционности законодателей снова толкнула его на расширение эмиссионного финансирования народного хозяйства. Что и подтверждает высказанное выше сомнение в том, что на рассмотренном этапе двоевластие удалось устранить - при всех отличиях принятой Конституции от прежней.

4.2. «Черный вторник» и его последствия

Во втором и третьем кварталах произошло «непредвиденное снижение темпа инфляции». В самом деле. Почему его называли «непредвиденным»? Потому что денежная масса увеличивалась максимальными темпами во втором квартале (в среднем на 16,1% в месяц), а минимальными - в первом (6,1%). Между тем, именно во втором квартале инфляция снизилась до 6% в месяц - и это тоже *впервые* за время реформ. Конечно, не бог весть какой успех, вот если бы 6% в год, тогда другое дело! Но многие экономисты тогда заговорили о том, что началась

или вот-вот начнется реальная стабилизация, упомянутый выше рост вкладов в банках свидетельствовал о снижении инфляционных ожиданий населения (казалось, что не надо, получив рубль, сразу бежать за покупками, чтобы он уже завтра не обесценился) - а это очень важно.

Расхождение между темпом роста денежной массы и уровнем инфляции объясняется просто. Надо только учитывать давно установленную экономической наукой закономерность, кстати, восходящую к более общему, уже неоднократно обсуждавшемуся нами, закону инерционности экономических систем. Темпы инфляции обычно следуют за изменениями денежной массы - но с отрывом в несколько месяцев, иногда в три-четыре, иногда в пять-шесть, это зависит от ряда обстоятельств, которых здесь не будем касаться..

Но дальше произошло следующее: среднемесячный темп прироста потребительских цен (а это и есть темп инфляции) снова стал увеличиваться - с 6.4% весной-летом до 15.5% в среднем в четвертом квартале (и даже до 17% - в декабре). Между тем, курс доллара повышался на протяжении весны и лета значительно медленнее (около 1% в неделю). Это расхождение, в сочетании с неправильными действиями некоторых крупных банков, спровоцировало валютный кризис в сентябре-октябре. Он «прорвался» **11 октября**, когда рубль сразу стал дешевле примерно на четверть. Этот день называли «черным вторником», и долго еще при его упоминании люди вздрагивали.

Это означало очередной провал стабилизационной программы. Не хватило у руководства страны политической воли, необходимой для резкого изменения экономической политики! Конечно, сотрудничество с Международным валютным фондом дисциплинировало Правительство и Центральный банк при формировании этой экономической политики.

Выделение кредитных траншей производилось на основе жесткого наблюдения за текущей экономической ситуацией. Но этого оказалось недостаточным, и как видим, год завершился опасным ускорением инфляции, осенним кризисом на валютном рынке и другими последствиями «умеренно жесткой политики», сопряженной с чрезмерными компромиссами, а проще - уступками правительства Государственной думе с ее популистскими требованиями.

События, связанные с «черным вторником», встряхнули руководство страны. Дело не только в том, что были сняты со своих постов председатель правления Центробанка В.Геращенко и и.о. министра финансов С.К.Дубинин, но в том, что *пришлось пересмотреть сами основы финансовой политики*. Было принято твердое решение: *во что бы то ни стало* победить инфляцию, потому что без этого (как мы неоднократно говорили) невозможен приток капиталов в экономику и следовательно, невозможно возобновление экономического роста. Но, конечно, слова «*во что бы то ни стало*» таили в себе определенные опасности - к этому мы еще вернемся, и не один раз.

Лишь после «черного вторника» В.Черномырдин осознал пагубность следования проинфляционным, “антимонетаристским” и популистским рецептам, и 27 октября 1994 года, в Государственной думе, Правительство объявило о своем плане: добиться, чтобы ежемесячная инфляция не превышала 1-2%, что тогда было воспринято как нечто абсолютно нереальное.

Первым вице-премьером правительства был назначен А. Чубайс. Ему пришлось принимать весьма расстроенное хозяйство. Недаром известный экономист-аналитик А. Илларионов, выступая в газете «Деловой мир», назвал 1994 год «годом промотанного наследства». Об этом

говорили статистические показатели. «Умеренно жесткая политика» правительства Черномырдина обернулась ростом дефицита федерального бюджета, ростом расходов на управление, восстановлением (как мы видели) снизившихся было темпов инфляции, спадом производства ВВП на 15%, а промышленной продукции - даже на 21%, снижением среднемесячной заработной платы.

Но, конечно, главным итогом был рост оборонных расходов: по расчетам специалистов, *чеченская война, начатая в ноябре 1994 года, стоила стране каждый день 200 млрд рублей, или 60 млн долларов.* Так что уже первые сто дней активных боевых действий обошлись в 6 млрд долларов, и это еще не считая расходов гражданских ведомств на войну, а главное - не считая средств, которые потоком пошли в Чечню, не дожидаясь прекращения военных действий (формально - на восстановление народного хозяйства республики, а на деле значительная часть из них просто разворовывалась).

1995 год начинался трудно - с последствий «черного вторника». В тот период в среде противников реформ (или проводимого курса реформ, что в данном случае безразлично) были модны *пророчества о наступающем коллапсе российской экономики.* Слово «коллапс» переходило из речи в речь, из статьи в статью таких авторов как А.Руцкой, О.Богомолов, Л.Абалкин и многих других. Один из таких авторов депутат Государственной думы С.Глазьев прогнозировал падение производства в 1995 году еще на 15-20% по сравнению с провальным 1994 годом и тоже предрекал близкий коллапс российской экономики.

Правительство не обещало на 1995 год начала подъема, оно осторожно прогнозировало все же не подъем, а спад, хотя и лишь на 3%. (И этот прогноз оправдался в полной мере). Основные же усилия оно

обратило на подавление инфляции, как говорят экономисты, *ортодоксальным* методом - то есть прежде всего и раньше всего (хотя и с использованием других, дополнительных средств) методом *сжатия денежной массы*. (Читатель уже знает, что это такое).

Правда, переход к решительному стабилизационному курсу в этот период осложнялся существенными политическими и экономическими обстоятельствами. Президент России колебался в выборе путей и механизмов укрепления своей власти. Войну в Чечне не удалось завершить легкой и впечатляющей победой. На рубеже 1994 и 1995 годов Центробанк с трудом отразил еще одну мощную атаку на рубль, уберег его курс от падения (для этого им за доллары скупались большие количества рублей, в результате его валютные запасы сократились до небывало низкой отметки). Правительство уже было готово пойти на девальвацию рубля. И наверное, это было бы правильно: все равно так пришлось поступить позднее, в августе 1998 года, только в еще более сложных условиях и с еще более тяжелыми последствиями.

Начало реальной, устойчивой финансовой стабилизации в России могло быть положено только при условии проведения последовательного жесткого курса в области бюджетной и денежно-кредитной политики, а также при поддержке МВФ. Действительно, МВФ после серии трудных переговоров согласился выдать кредит в сумме 6,25 млрд долларов, (то есть 42 трлн рублей), которые были направлены на финансирование бюджетного дефицита. Благодаря нему, денежная программа 1995 года стала реальностью.

Согласно этой программе, разработанной А.Чубайсом, новым министром экономики Е.Ясиным и их единомышленниками, процесс денежной стабилизации должен был завершиться невероятно быстро - уже

летом этого же года. Для этого предлагалось следующее:

- ограничить дефицит бюджета семью процентами и финансировать его исключительно на рыночной основе за счет внутреннего долга, а также внешнего финансирования;
- замедлить прирост кредитования Центральным банком коммерческих банков, увеличивать денежную базу в основном лишь в меру увеличения валютных резервов и покупки Центральным банком ценных бумаг на открытом рынке (последнее означает, что купив ценную бумагу, например, выкупив государственную облигацию, Центробанк пускает в оборот соответствующую сумму денег);
- проводить политику управляемого снижения номинального курса рубля при увеличении реального курса.

Таковы некоторые основные пункты денежной программы правительства и Центробанка России на 1995 год. Как видно, программа - это весьма сложный комплекс взаимоувязанных мер, общая задача которых - по возможности замедлить инфляцию. К этому надо добавить быть может, *самое важное событие 1995 года: отказ от использования кредитов Центрального банка для финансирования дефицита федерального бюджета. Впервые такое ограничение, а не полный отказ, было введено в 1994 году, теперь оно обратилось в запрет.* Такой запрет действует во многих странах, а например, в Японии он даже записан в Конституцию страны. Он перекрывает, как мы видели, основной источник увеличения денежной массы, а значит, - инфляции, но существенно затрудняет маневр правительства при решении возникающих то и дело неотложных экономических задач. *Однако роль его в обеспечении устойчивости финансовой системы страны - неоценима. Поэтому дата*

введения прямого отказа от кредитования правительства Центральным банком России (точнее - запрета использования прямых кредитов ЦБ для финансирования дефицита федерального бюджета) - 9 марта 1995 года - по праву должна считаться важной датой в экономической истории страны.

К этому времени в России были созданы новые финансовые институты, присущие нормальному рыночному государству: такие как коммерческие банки, рынки корпоративных бумаг, региональных и муниципальных облигаций, частная депозитарная и регистраторская системы, индустрия аудита, оценки бизнеса, брокерских услуг и т. д. Пожалуй, нет другой области в отечественной экономике, которая претерпела бы столь поразительные изменения. Здесь Россия за три-четыре года прошла путь, который другие страны проходили за века. Правда, в ее руках был мировой опыт, ей не пришлось в этом деле изобретать велосипед. Но ясно одно: из вспомогательного, даже второстепенного средства выполнения народнохозяйственных планов, каким финансы были во времена социализма, они за невиданно короткий срок превратились в крупную экономическую силу. Все это, вместе взятое, способствовало укреплению рыночных основ экономики страны и следовательно, тоже создавало предпосылки для долгожданной стабилизации.

Наконец, еще одно немаловажное для нашей темы решение.

Во всех странах действенным средством регулирования объема денежной массы являются *резервы центральных банков*. Резервные требования - минимальная сумма резервов, которую банки и сберегательные учреждения обязаны держать в Центральном банке, и определяемая как процентная доля от общей суммы вкладов. Повышение уровня резервных требований ограничивает возможности роста денежной

массы, а снижение - наоборот. Соответственно, в первом случае резервные требования выступают в качестве средства борьбы с инфляцией, во втором - средства повышения экономической активности (при некоторых ограничивающих условиях). Получается весьма тонкий и действенный инструмент регулирования экономических процессов в стране, и он используется в подавляющем большинстве развитых стран.

В апреле Центробанк принял решение о расширении базы обязательного резервирования для коммерческих банков, дополнительно введя резервирование по срочным депозитам и валютным счетам. Следовательно, на этот раз был избран первый из двух вариантов - вариант ограничения денежной массы и сдерживания инфляции.

Проект бюджета на 1995 год, разработанный в рамках макроэкономической программы, был внесен правительством в Государственную Думу, которая отклонила его в первом чтении. По итогам работы Согласительной комиссии были частично изменены оценки макроэкономических параметров на 1995 год. Среднемесячный уровень инфляции на 1995 год, который в первом варианте денежной программы предполагалось снизить до 1-2% (что, несомненно, было весьма смелым, амбициозным решением) был увеличен до 2,5% - 3,0%. После долгих согласований, бюджет был утвержден 24 июня, потом было принято два закона (в августе и декабре), в которых корректировались его показатели.

К слову, нельзя не отметить тот большой путь, который прошли к настоящему времени обе российские ветви власти хотя бы в одном вопросе: *еще недавно бюджет каждый раз принимался в зените года, когда уже половина его была прожита. Сейчас иная ситуация: в 2000-й год и в последующие годы наша страна стала вступать с утвержденным федеральным бюджетом и могла работать по нему с первого дня.*

Уже в рассматриваемый период Государственная дума научилась формировать, а правительство выполнять - плохой ли, хороший ли - государственный бюджет страны. Такого не бывало у нас никогда. Потребовалось несколько лет реформы, чтобы все поняли: бюджет не формальность, каковой он был десятилетиями, в годы Советской власти.

Правительство в основном следовало показателям бюджета, расходовало средства в меру имевшихся ресурсов (поступления доходов, выручки на финансовом рынке, внешних кредитов). Данные о ежемесячном исполнении федерального бюджета в 1995 году показывают, что ситуация с исполнением бюджета в этом году в целом была стабильной. Таким образом, принятый в Законе о бюджете на 1995 год порядок финансирования Правительства, практически исключивший кредиты ЦБ, оказал самое серьезное влияние на повышение ответственности властей за расходы бюджета.

Важную роль в исполнении бюджета 1995 года играли также решительные меры по улучшению сбора налогов и пошлин от внешнеторговых операций. *А. Чубайс развернул бескомпромиссную борьбу за ликвидацию многочисленных индивидуальных внешнеторговых льгот, установленных в разное время по самым разным причинам - от благотворительных до криминальных.* На них делались состояния, из-за них совершались убийства. Таможенные льготы раздавала Комиссия по вопросам международной гуманитарной и технической помощи при Правительстве РФ. Чаще всего льготный режим предоставлялся мало подходящим под определение гуманитарной помощи товарам - алкоголю и сигаретам. Догадайтесь, кто был в то время одним из основных поставщиков этих товаров? Оказывается, Православная Церковь! (Другие конфессии подобных льгот получить не смогли - их просьбы о

беспошлинном ввозе сигарет и спиртного комиссия почему-то отвергла). И вот по ввозу сигарет в 1995 году святые отцы заняли второе место в стране, а по алкоголю - не менее «почетное» третье место.

Льготы были отменены в два этапа - в марте и в мае. Но эти решения встретили отчаянное сопротивление и выполнялись не всегда последовательно. Думаю, именно этим сопротивлением (из рук вырывался мощнейший источник неправомерно добываемых денег!) объясняются те остервенелые - иного слова не найду - нападки оппозиционной печати и особенно депутатов-коммунистов на А.Чубайса, которые превратили его образ чуть ли не во «всемирное пугало»...

И все-таки некоторые бреши в доходной части бюджета удалось залатать. (Хотя фактически льготы крупнейшим организациям-импортерам были отменены лишь в самом конце года, а до этого либо продлевались отсрочки по платежам, либо компенсировались потери предприятиям-льготникам - по данным Минфина, в целом за год были выплачены компенсации на сумму 3 трлн. руб.).

В 1995 году вносились и другие изменения в порядок тарифного регулирования внешнеэкономических операций, в целом повысившие импортные пошлины и понизившие экспортные.

4. 3. Инфляция отступает. Куда девался «коллапс»?

В первом квартале 1995 года еще сохранялся высокий темп роста потребительских цен, что было обусловлено денежной «накачкой», действиями ЦБ летом 1994 года.

Лишь начиная со второго квартала, макроэкономическая ситуация стала изменяться. После подтверждения Правительством и Центробанком своих намерений о реализации жесткой программы финансовой стабилизации в 1995 году, финансовые рынки начали настраиваться на новые ориентиры. В середине апреля банки и крупные промышленные структуры начали в массовом порядке менять имеющиеся у них доллары на рубли. Как следствие, вырос номинальный курс рубля. *Иными словами, начался процесс дедолларизации, он сыграл ключевую роль во всех макроэкономических процессах, происходивших весной - летом 1995 года.* В июле ЦБ ввел так называемый валютный коридор, то есть установил пределы, ниже и выше которых курс доллара устанавливаться не мог, т.е. если он на бирже грозил «зашкалить» за верхнюю границу, банк обязывался выбросить необходимое количество долларов, чтобы снизить курс. И наоборот. Такая ситуация резко снизила интерес денежных спекулянтов к игре на повышение или понижение курса долларов. Сначала «коридор» устанавливался лишь на три месяца, потом он был продлен до шести - и это дополнительно убеждало банки и население в твердой решимости государства продолжать курс на финансовую стабилизацию.

Здесь, прервав повествование, хочу привести таблицу данных о месячных темпах инфляции (индекса потребительских цен) в 1994 и 1995 гг.

	1994	1995
Январь	17,9	17,8
Февраль	10,8	11,0
Март	7,4	8,9
Апрель	8,5	8,5

Май	6,9	7,9
Июнь	6,0	6,7
Июль	5,3	5,4
Август	4,6	4,6
Сентябрь	7,7	4,5
Октябрь	15,0	4,7
Ноябрь	15,0	4,5
Декабрь	16,4	3,2

Российские экономисты, иногда в зависимости от своей партийной принадлежности, а порою и вне таковой, в 1995 году разделились на две непримиримые группы. Одни утверждали, что экономическая стабилизация в стране состоялась, а другие - что это лишь миф, распускаемый «правительственными пропагандистами». И, пожалуй, самый убийственный для последних аргумент, фигурировавший в десятках статей и речей, можно сформулировать так: показатели инфляции 1995 года в целом практически не отличаются от соответствующих показателей 1994-го, в августе цифры даже просто совпали. И если в 1994 году цены на потребительские товары и услуги выросли в 2,5 раза, а в следующем - в 2 раза, то разница невелика, не правда ли?

Однако календарные даты, при всем их значении, не единственные вехи на дороге экономического прогресса, и первое января как точка отсчета избрана в каком-то смысле произвольно: жизнь течет непрерывно. Так вот, проделайте следующий эксперимент: закройте три первых строки таблицы. Ведь цифры первого квартала нехарактерны для 1995 года - в это время завершался инфляционный пик, вызванный известными уже нам

событиями «черного вторника». Да и для 1994 года эти месяцы тоже не характерны - тогда еще продолжалось действие антиинфляционных мер, незадолго до того проводившихся Е.Гайдаром и Б.Федоровым. Не правда ли, теперь картина переменялась? Если теперь подсчитать среднемесячный темп инфляции, то (без первых месяцев!) для 1994 года этот показатель составит 8,6%, а для следующего - 5,8%. Показатели, как видим, резко разошлись. Но мало этого: восемь месяцев подряд инфляция в 1995 году неуклонно снижалась. Столь длительного подобного периода не было до того ни разу за все время реформ. И тогдашний руководитель Рабочего центра экономических реформ имел полное основание утверждать (на одной из пресс-конференций в декабре 1995 года, где я присутствовал), что «сейчас создались условия, когда правительство и ЦБ могут управлять инфляцией, держать ее под контролем». Следовательно, был взят еще один важный рубеж в процессе финансовой стабилизации.

...Но не все, оказывается, так просто.

Прежде всего, под весь процесс покорения инфляции была подложена мина замедленного действия - это Государственные краткосрочные обязательства(ГКО) . Мы видели, что каждый год законодатели - сначала в Верховном Совете, потом в Государственной думе добивались от правительства увеличения расходов бюджета - для помощи приоритетным с их точки зрения отраслям производства (ВПК, АПК), для выполнения безразмерных социальных обязательств, которые были унаследованы от прежней власти. А тут еще война в Чечне. Где взять на все это деньги, если кредиты Центробанка для финансирования дефицита, как мы видели, отпадают? На внутреннем и внешнем финансовых рынках. Под низкие проценты внутренние кредиторы денег не дадут - это было ясно. Вот и стали собирать деньги с помощью ГКО под очень высокие проценты, а для

того, чтобы уплатить эти проценты, снова выпускали ГКО, и так далее. Мы уже в главе 2 видели, что эта схема издавна известна под названием финансовой пирамиды.

Окно 4

Из Заявления председателя Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ «Об опасной ситуации, складывающейся в некоторых финансовых компаниях»

В качестве председателя Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве Российской Федерации обращаю внимание граждан на высокую рискованность вложений в настоящее время в компании семейства «Хопер» и еще раз предлагаю руководству компании «Хопер-инвест» и других «Хопров» представить полную информацию о своей деятельности Федеральной комиссии и широкой общественности. Если в срок до 1 января 1995 г. такие данные не будут представлены, то комиссия применит самые жесткие меры, необходимые для защиты интересов граждан».

Мы и впредь будем добиваться защиты интересов граждан, выполнения требований российского законодательства...

Председатель Федеральной комиссии
по ценным бумагам и фондовому рынку
при Правительстве России,
первый заместитель Председателя
Правительства России

А.Б.Чубайс

Нет, я далек от того, чтобы отождествлять российское государство с жульническими организациями типа «МММ», «Хопра» или «Селенги»².

---

² Сотни тысяч людей пострадали от них, погнавшись за легкой наживой, не слушая предупреждений, с которыми к ним обращались с экранов телевизора и со страниц печати. грамотные экономисты. См.,

Здесь же был, казалось бы, точный и разумный расчет. Коротко, он выглядел так. Заимствования (прежде всего от выпуска ГКО) помогут подавить инфляцию. Через некоторое время (по опыту ряда других стран с переходной экономикой, этот период составляет один-два года после устойчивой стабилизации) возобновится приток инвестиций, начнется экономический подъем, и тогда уже можно будет уверенно расплатиться с долгами. Важно только перебиться, проскочить этот период...

Увы, как мы знаем, все это аукнулось августовским кризисом 1998 года! Опыт показал, что этот расчет оправдался лишь в том, что инфляцию в 1995 году действительно удалось подавить, и, казалось, навсегда. Но он не оправдался в целом: слишком велико оказалось бремя долгов государства, накопленных в результате ежегодного принятия, вопреки всем убедительным возражениям, безрассудных дефицитных федеральных бюджетов.

Не так прост оказался и вопрос о неизбежном возобновлении инвестиционной деятельности в условиях подавления инфляции. Оно - лишь основное, необходимое, но не исчерпывающее условие такого поворота событий. Для возобновления инвестиций нужно, прежде всего, чтобы на предприятия, на смену неумелым и безынициативным советским директорам, привыкшим жить по указке сверху и на «халяву», пришли энергичные современные менеджеры и эффективные собственники, умеющие вкладывать средства в производство так, чтобы они давали

например, Заявление Председателя комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при правительстве РФ «Об опасной ситуации, складывающейся в некоторых компаниях» («Окно» на с...).

реальную отдачу.

Еще одно условие - развитие банковского сектора: усиление конкурентных начал в этой сфере и, благодаря этому, отбор в пользу более эффективных и надежных банков. Общеизвестен факт, что без устойчивости банковской системы как основного финансового института невозможен стабильный и долговременный подъем инвестиционной активности. Между тем, замедление инфляции, как и ожидали экономисты, привело к серьезным затруднениям для тех банков, которые широко использовали высокую инфляцию для спекулятивной денежной игры, приносившей им большие доходы. В июле 1995 году разразился даже, хотя и кратковременный, но довольно глубокий кризис в сфере межбанковских расчетов, когда некоторые из банков-должников оказались неспособными расплатиться со своим кредиторами. И межбанковский рынок кредитов развалился. Остались лишь несколько групп банков, способных, при необходимости, «выручать» кредитами друг друга, - групп, образованных на личном взаимном доверии их владельцев.

Высокая инфляция, непрерывное падение курса рубля делает (точнее, еще недавно делало) банковские спекуляции намного более выгодными, чем капиталовложения в производство, даже весьма эффективные. Предприятия же не могли брать кредиты из-за неизбежно высоких при инфляции процентов. *Следовательно, отторжение инвестиций было обоюдным, их не хотели ни «берущие», ни «дающие».* В 1995 году действие этого фактора начало давать сбои, о чем свидетельствовала начавшаяся острая конкурентная борьба между крупнейшими банками за обладание пакетами акций приватизируемых предприятий. Но было понятно, что постепенно «финансовая суета» кончится и инвестиции пойдут в производство - требуется лишь время,

лишь продолжение курса на подавление инфляции. И какое бы правительство ни пришло к власти, оно должно будет добиваться того же, ибо без этого ни одна из действительно серьезных проблем российской экономики решена не будет.

Именно в 1995 году, хотя формально спад производства и продолжался, слово «коллапс» как-то незаметно вышло из употребления. Теперь охотнее стали говорить о стагнации, застое и о чем-то еще подобном. Кстати, я сказал, что спад продолжался «формально» - это не оговорка. Многие экономисты полагают, что на самом деле к тому времени спад прекратился, шло лишь некоторое перемещение производственной деятельности в «тень». Об этом говорили стабильные уровни производства электроэнергии, грузовых перевозок и другие косвенные показатели.

Перед руководителями крупных госпредприятий все более настоятельно вставал вопрос: продолжать ли по-прежнему уповать на «государственную поддержку» и придерживать персонал в так называемых административных отпусках, или же начать энергично искать возможности для перестройки производства, поскольку ожидать помощи не у кого? В общеэкономическом плане эта дилемма звучала так: если предприятия поймут, что надо надеяться на собственные силы, ситуация переломится к лучшему, в противном случае к зиме начнется новый, еще более глубокий спад.

И вот статистика улавливает первые признаки сдвига. Например, сошлюсь на такой косвенный показатель: в августе 1995 года количество административных отпусков сократилось по сравнению с августом 1994-го на 1,3%, примерно на столько же (1,5%) возросла безработица. Практика, когда многие только числились на производстве, не работая или же

работая неполный рабочий день, к этому времени была почти прекращена.

Не все было последовательно в политике правительства и Государственной думы. Несмотря на официальный отказ от «бюджетной благотворительности» некоторые предприятия все же «поддержку» получали. Классический пример - Ростсельмаш, которому перепало по меньшей мере полтриллиона рублей. Подсчитайте, сколько за эти деньги можно было бы выплатить пенсий ветеранам или пособий малоимущим, причем выплатить своевременно, без задержек, которые перед парламентскими выборами 1995 года всколыхнули страну и в определенном направлении канализировали симпатии этой крупной части электората. А комбайны Ростсельмаша как были, так и остались дорогими и ненадежными, так что в некоторых областях, как сообщалось в печати, начали непатриотично приобретать такие машины у иностранных конкурентов.

Примерно с августа 1995 года наблюдался некоторый неустойчивый подъем промышленного производства. Причем интересно, что он не был, как, например, в 1992 и 1994 годах, результатом денежной накачки экономики, которая неизменно, в соответствии с азбучными истинами монетаризма, сопровождалась взлетом инфляции. *В 1995 году положение принципиально изменилось: финансово-кредитная политика в целом оставалась достаточно жесткой, инфляция постепенно замедлялась - а вот объем производства начал расти.*

В чем тут дело? Каждый экономист знает: жесткая финансово-кредитная политика, ведущая к снижению инфляции, одновременно в результате сжатия денежной массы оказывает угнетающее воздействие на производство, что, разумеется, плохо. Приходится прокладывать маршрут между Сциллой и Харибдой, искать золотую середину, компромиссы -

называйте это как угодно. По-видимому, в 1995 году это удалось, что само по себе немалое достижение команды реформаторов, взявших на себя бразды правления экономикой на этом ответственном этапе.

4.4. Фискальная проблема - неизбежный спутник переходной экономики

Однако на рубеже 1995-1996 гг. достиг своего пика еще один кризис - *фискальный* (или шире - *бюджетный кризис*, если иметь в виду не только сбор налогов, “фиск”, но и возникающие из-за этого проблемы с расходами государства, выполнением бюджета). Его почувствовали, что называется, на своей шкуре миллионы людей - пенсионеры, учителя, врачи, военные, рабочие оборонных предприятий, ученые - словом, все те, кто получает зарплату, пенсии или пособия из государственного бюджета. *Те, кто живет на государственный счет, то есть на деньги, собранные в виде налогов и сборов со всего населения (в том числе и со многих из них самих).* По совпадению, может быть, и не совсем случайному, мощная волна забастовок и голодовок учителей, шахтеров, строителей атомных станций, чернобыльцев, пенсионеров и других жертв бюджетного кризиса пришлась как раз на канун парламентских выборов конца 1995 года, и это не могло не сказаться на составе новой Государственной думы и ее политике в дальнейшем.

Бюджетный кризис имеет глубокие корни. В той или иной форме его пережили все постсоциалистические страны - исключений практически нет. Его общие причины: переход экономики на рыночную основу, кардинальное изменение структуры расходов государства в условиях временного

сокращения объемов производства. За прошедшие годы природа и закономерности бюджетного кризиса хорошо изучены в экономической литературе как за рубежом, так и у нас. Между прочим, одна из выявленных закономерностей состоит в следующем: *страны, решившиеся на последовательную “шоковую” терапию экономики и уже вышедшие в стадию экономического подъема, пережили бюджетный кризис в не столь острой форме, как те (в числе последних и Россия), которые затянули рыночные реформы и, соответственно, период высокой инфляции. Иначе говоря, те силы, которые на словах радели за народ и добивались, а в определенной мере добились “щадящих” реформ, на деле только затянули и умножили трудности, неизбежные при переходе к рынку. В этом - еще одно последствие двоевластия, установившегося в России, может быть, самое главное и пагубное.*

Страны, осуществившие быструю, “шоковую” стабилизацию, сохранили довольно высокий уровень монетизации экономики (это понятие объяснялось выше, в главе 2) и именно поэтому у них бюджетный кризис оказался менее болезненным. И наоборот, в тех странах, где стабилизация затянулась и где «на выходе» из нее коэффициент монетизации оказался существенно ниже, бюджетный кризис был намного глубже и тяжелее.

. Действительно, что произошло в России? Налоговые доходы государства резко сократились. В основном это было обусловлено тремя обстоятельствами: во-первых, сокращением налогооблагаемой базы из-за спада производства, во-вторых, не завершенной налоговой реформой, начатой в 1992 г., и, в третьих, широко распространенной практикой ухода нарождающегося бизнеса в теневую экономику, массового уклонения от уплаты налогов (к тому же и государственные предприятия, получившие

большую, чем прежде, свободу действий, быстро переняли этот “опыт” у частного сектора).

Падение сбора налогов лишило государство значительной части денежных ресурсов. А платить-то людям надо! Платить пенсионерам, врачам, преподавателям, рабочим ВПК, милиционерам и судьям, и многим другим.

Налоговый кризис перерос в кризис бюджетный прежде всего потому, что в бюджете сохранились с прежних времен характерные для социализма обязательства. Убыточные отрасли и предприятия привыкли получать вспомоществование от государства (дотации, субсидии, налоговые льготы и т.п.) и требовали эту практику продолжать. Но в прежние времена необходимость такой поддержки еще можно было понять: вся экономика была государственной и цены на продукцию назначались произвольно, совершенно независимо от условий спроса и предложения. Установили чиновники из министерства цену на изделие ниже его себестоимости (почему так могло получиться - иной, более сложный вопрос, но таких ситуаций бывало бесчисленное множество), и предприятие стало, как тогда говорили, планово-убыточным. Естественно, государству приходилось его субсидировать, чтобы оно могло нормально работать и развиваться. Теперь же возник рынок. Цены не произвольные (если не считать цены так называемых естественных монополий), а определяемые по жестким законам конкуренции, спроса и предложения. Следовательно, экономически обоснованные. Большинство предприятий приватизировано, преобразовано в акционерные общества. В этих условиях если завод не в состоянии выпускать продукцию, которую хотел бы приобрести покупатель (учитывающий, естественно, ее цену и качество), если он расточительно ведет свое хозяйство и терпит убытки - чего ради каждый из нас,

налогоплательщиков, должен расплачиваться за леность, бесхозяйственность или отсутствие предприимчивости у его руководителей? Между тем, значительную долю расходов бюджета, как и прежде, продолжали составлять субсидии убыточным предприятиям, несмотря на официальный отказ от бюджетной благотворительности.

Это одна сторона дела. Другая - в *социальных* обязательствах, доставшихся государству в наследство от прежнего, которое называлось социалистическим: государство собирало деньги с населения, чтобы потом его же «облагодетельствовать». Теоретически это делалось для того, чтобы перераспределять средства через так называемые фонды общественного потребления в пользу нуждающихся, социально незащищенных. На практике, впрочем, в бывшем СССР лучшая часть этих фондов доставалась партийно-государственной номенклатуре, военно-промышленному комплексу и прочим привилегированным, а вовсе не незащищенным слоям населения - в виде роскошных клиник и санаториев, охотничьих хозяйств, спорткомплексов, а также персональных пенсий, дешевых квартир и продуктов и т.п.. Через «общественные фонды» государство обеспечивало (собранными с населения же средствами) и такие важные области, как образование, здравоохранение, жилищное хозяйство (дотации на обслуживание жилья компенсировали низкий уровень квартплаты), дотировало многие виды сельскохозяйственных продуктов, например, мяса (при этом большими дотациями пользовались, конечно, те, кто больше этого мяса потреблял, то есть опять-таки привилегированные слои населения). В период советской власти, особенно в последние годы, в массовом порядке раздавались разные льготы - налоговые, пенсионные, транспортные и другие. Работники одних категорий освобождались от платы за жилье, других - от платы за поездки по железной дороге или пользование телефоном, третьих -

от уплаты тех или иных налогов, пошлин и сборов, четвертых - от платы (или ее части) за содержание детей в детском саду, за посещение стадиона, да мало ли за что еще? Справедливостью, как мы уже видели, здесь и не пахло, но теми или иными льготами пользовалась чуть ли не половина населения.

На все перечисленное расходовались огромные деньги из бюджета государства. А теперь, когда производство сократилось и сократился сбор налогов в бюджет, денег стало не хватать. Несколько облегчили ситуацию два фактора: во-первых, высокая инфляция и связанный с нею инфляционный налог, который пополнял бюджет за счет карманов населения и от которого отвертеться не мог никто (тут и взятки фининспектору никак не могут действовать); во-вторых, многократное сокращение военных заказов промышленности, проведенное правительством в 1992 году.

Почему бюджетный кризис в России с такой силой разразился именно в 1995-96 годах? Это легко понять. Наметились признаки финансовой стабилизации, у правительства резко сократились возможности извлекать доходы из инфляционного налога, который в первые годы реформ в какой-то мере смягчал бюджетные затруднения.

Примерно к 1995 году, в результате усилий законодательной власти и так называемого военно-промышленного лобби, стали таять и преимущества, связанные с сокращением военных заказов. Снова начал раскручиваться маховик ВПК, который, в свое время, обездолил советский народ и фактически под тяжестью которого (см. выше, Часть 1) рухнул Советский Союз.

В главе 2 мы упомянули об утвержденной правительством Гайдара широкой программе конверсии военной промышленности, то есть о переводе предприятий на производство высокотехнологичной мирной продукции (строго говоря, конверсия началась еще в 1988 году, чем было

ознаменовано окончание холодной войны). Были выделены существенные средства на поддержку высвобождаемых кадров, на смену оборудования и т.п. Но теперь, в 1995 году, можно было, к сожалению, констатировать: *программа провалилась*. Прежде всего, как сказано, речь шла именно о переходе на высокотехнологичную мирную продукцию. Противники конверсии, а их было много, кричали о том, что, мол, правительство собирается «переводить производство самолетов на выпуск кастрюль из титана». Это не так. Но оказалось, что по качеству и по цене та гражданская продукция, которую выпускали оборонные предприятия и на которую делалась ставка, полностью проиграла в конкуренции с хлынувшими в страну товарами (телевизорами, радиоприемниками, микроволновыми печами и т.п.). И вот вместо того, чтобы усовершенствовать и развивать эти производства, большинство директоров ВПК предпочли просто свернуть их, выбросив сотни тысяч людей на улицу...

Было ли это, как утверждали они, неизбежно? Нет, не было. Помню, я убедился в этом еще в конце 1992 году в Магнитогорске, на заседании «Клуба директоров», которым в то время руководил академик Абел Аганбегян. Там рассказал об опыте конверсии Бийского химического комбината, одного из крупнейших предприятий «оборонки», Анатолий Карпов (сейчас это ОАО «Полиэкс», а Карпов - его президент). Комбинат в считанные месяцы полностью свернул военное производство и начал заваливать рынок самыми разными потребительскими товарами – от шампуней для волос до синтетического дорожного покрытия. Но повторю: большинство директоров (их называли тогда «красными директорами») от конверсии отказались. Отсюда и провал программы.

Конверсия ВПК имела еще один аспект: производство знакомой, родной, во многих случаях действительно лучшей в мире военной продукции

на экспорт. Оправившись от первоначального «шока», этим занялся ряд предприятий авиационной промышленности, судостроения, производителей стрелкового вооружения и противоракетных комплексов. К 1995 году большинство из них стали на ноги. Правда, и здесь не обошлось без проблем. Под экспортное производство предприятия стали требовать денег из бюджета (тех денег, которые могли бы в ином случае пойти на выплаты пенсий, пособий по безработице и т.д.). Говорили так: «Мы способны делать замечательные, конкурентоспособные самолеты - пусть государство поддержит это производство!». Мне кажется, тут все поставлено с ног на голову. Если продукция конкурентоспособна, продавайте ее, а не хватает средств – возьмите кредит (потом вернете, ведь производство у вас эффективное), требуйте предоплату – потребитель всегда пойдет на уступки ради нужного ему товара. А не пойдет на уступки, значит товар не так уж хорош, и все разговоры о его конкурентоспособности - не более чем очковтирательство. Словом, это вы должны поддержать бюджет государства, а не оно вас – иначе зачем ему вообще нужно ваше предприятие?

Тут уместно вспомнить и о начавшейся в оборонных отраслях приватизации. Из 1800 предприятий, которые курировал тогда Госкомоборонпром, решено было бесповоротно оставить в государственной собственности 430, остальные подлежали той или иной форме приватизации (с «Золотой акцией», контрольным пакетом в руках государства, с запретом участия иностранных фирм в акционировании и другими ограничениями). Приватизация в ВПК проходила с переменным успехом. Были случаи продажи предприятий по заниженной цене, пока, наряду со стандартной переоценкой основных фондов, специальным постановлением правительства не было разрешено применять рыночный подход к оценке. В ноябре 1995

года газета «Московские новости» опубликовала статью с примечательным названием: «Оборонка выходит из штопора». Она точно отразила ситуацию.

Замедление реформ в результате отказа от так называемой «шоковой терапии экономики» привело к тому, что было сорвано и намеченное *реструктурирование общественного производства в целом*. Что это означает? Прекращение выпуска некачественной продукции и применения неэффективных технологий и замена их качественными, современными видами продукции, а также использованием эффективных методов ее производства; создание новых, современных отраслей промышленности и сферы услуг, реорганизация сельского хозяйства. Под давлением депутатов (в основном левого направления) и разных отраслевых лоббистов правительству Черномырдина не удалось ликвидировать явные и скрытые субсидии значительному числу неэффективных предприятий. Застряла на начальном этапе налоговая реформа, и потому сохранились архаичные процедуры и методы контроля за сбором налогов и исполнением бюджета, не говоря уже о распространении такой болезни, как массовое и злостное уклонение от налогов, переход «в тень» чуть ли не половины (по некоторым данным) промышленного производства и сферы услуг. Наконец, забуксовали начатые были социальные реформы и реформы в сфере социального обслуживания (реформы образования, здравоохранения, жилищного хозяйства и т.п.).

Вот почему к рассматриваемому периоду разрыв между государственными доходами (которые сократились) и государственными обязательствами достиг критического размера.

Как сократить этот разрыв? Относительно высокий уровень расходов на науку, образование, здравоохранение создавал потенциал будущего развития России, который было бы крайне нерационально растерять.

Военные расходы, прежде всего в связи с событиями в Чечне, тоже урезать оказалось невозможно. Даже сама военная реформа, как доказывали некоторые экономисты, хотя и даст когда-то экономию, но сейчас требует только дополнительных затрат... *Между тем, бюджетный кризис заставляет сокращать расходы государства, и большая часть этого сокращения поневоле ложится на социальную сферу - вот в чем главное зло, главное последствие бюджетного кризиса.*

Для выхода из него остро необходимо стабилизировать и, более того, увеличить доходы бюджета. Рост доходов бюджета в современных условиях может быть достигнут не за счет общего усиления налоговой нагрузки, а путем повышения *справедливости* налоговой системы (сокращения числа льгот) и борьбы с противозаконным уклонением от налогов.

Известно противоречие, которое решается только компромиссом: увеличение сбора налогов, облегчая выполнение государством своих обязанностей, одновременно угнетает производство, а уменьшение налогов, способствуя росту производства, лишает государство части бюджетных средств.

На этом основании многие экономисты считают, что просто надо снизить чрезмерные налоги, и производство активизируется, а значит, налогов будет собираться больше. Часто ссылаются на так называемую кривую Лаффера, подтверждающую эту закономерность. Но вопрос не так прост, как думают те, кто знает об этой кривой лишь понаслышке. Во-первых, теоретическая кривая Лаффера имеет форму дуги и показывает, что наилучший экономический результат достигается не когда налоги самые низкие, а когда они *оптимальные*. Во-вторых, и это главное, экономика и экономическое поведение очень сложны, никто не может сказать, увеличится ли вообще и если да, то насколько, сбор налогов при снижении ставки

налогов на такой-то процент. В-третьих, никто не доказал еще пригодность этой кривой для любых ситуаций.

Например, в условиях высокой инфляции сокращение налогов приведет только к тому, что высвобожденные средства предприятий будут пущены в быстрый оборот и на удовлетворение потребительских нужд их руководства и, может быть, коллективов, но не в инвестиции, от которых, собственно, зависит рост производства. Еще 1 января 1993 года российское правительство снизило налог на добавленную стоимость с 28 до 20%, со скидкой до 10% для основных продуктов питания и медикаментов. Был отменен так называемый налог на превышение нормативного фонда заработной платы. И что же изменилось в отраслях, испытавших «ослабление налогового гнета»? Ровным счетом ничего!

Ни в коем случае не хочу сказать всем этим, что сокращение налогов российской экономике не нужно. Нужно! Но сделать это намного сложнее, чем представляется склонным к демагогии политикам. (Забегая вперед, напомним, что эту задачу удалось решить правительству Касьянова, которое, по предложению правых сил, ввело в 2000 году так называемую плоскую шкалу подоходного налога: налоговая ставка снизилась, а сбор налогов существенно возрос. На 2006-2007 годы планируется дальнейшее уменьшение налогового бремени на предприятия, дискуссии вокруг размеров снижения налоговых ставок продолжаются. При всех условиях, опыт со снижением ставки налога на добавленную стоимость в 1993 году забывать не следует).

Есть еще один источник пополнения бюджетных средств - доходы от приватизации. Но он не является неисчерпаемым: с каждым годом будет сужаться список приватизируемых предприятий, продажа которых в настоящее время пополняет государственный бюджет. Есть единственная

возможность компенсировать эту потерю: повысить рентабельность приватизированных предприятий и соответственно добиться получения более высоких дивидендов с той доли их акций, которая остается в собственности государства. Но и это - не просто...

Вот какой клубок проблем и противоречий образовался на рубеже 1995-96 годов - к началу очередной кампании по выборам президента России.